

Павел Степанцов*

Анна Бартлетт. Город и Я.

Возникновение политических субъектов нового типа в Лондоне.

Anne Barlett. The City and the Self. The Emergence of New Political Subjects in London // Deciphering the Global: Its Spaces, Scales, and Subjects / Ed. by S.Sassen. London and New York: Routledge, 2007. P.221-242

Как современный западный город изменяет сущность политической жизни, которая, в свою очередь, сама испытывает влияние политических субъектов принципиально нового типа? А.Бартлетт, опираясь на результаты проведенного ею этнографического исследования неформального политического пространства Лондона, создаваемого эмигрантами из Африки и мусульманских стран, пытается ответить на этот вопрос. По утверждению автора, концепция национального государства как контейнера, внутри которого протекает социальная и экономическая жизнь, ведется политическая борьба и который ограничивает все эти модусы во времени и пространстве, не отвечает реалиям нынешней политической жизни и не может быть использована для их анализа. Неудовлетворительным выглядит и понимание политики как того, что делается в рамках специфических социальных институтов. Последние перестают быть единственной ареной, на которой разворачивается политическая борьба. Сегодня политика дополняется новым неформальным пространством политического действия, связанным с особенностями жизни в современном городе. В статье на примере Лондона рассматривается новая форма политической борьбы, подвергающая сомнению очевидность границ не только между национальными государствами, но и между «развивающимся» и «развитым» миром.

Потоки мигрантов и беженцев в западные города приводят к изменению их политического ландшафта. Политический субъект должен быть переопределен, поскольку современное пространство открывает новые возможности политической жизни благодаря развитию средств коммуникации: спутниковые телефоны и Интернет позволяют участвовать в политической жизни страны, находясь даже за её пределами. Так, Бартлетт стала свидетельницей того, как лидер повстанческого движения Суданской освободительной армии (Sudanese Liberation Army) вполне успешно командовал своими подчиненными в Судане, сидя в кафе в Ноттинг Хилле в Лондоне и говоря с ними по спутниковому телефону.

Новые средства коммуникации, позволяющие преодолевать расстояния и снижающие значимость территориальной дистанции, приводят к ослаблению традиционных, привязанных к территориальным границам структур господства, возникновению новых путей борьбы против них, усилению роли политического действия, не закрепленного в рамки формальных институтов. Можно быть политическим субъектом не будучи собственно политиком.

Что означает быть политическим (political)? Политичность основана на различении себя и Другого. В этом и состоит сущность идентификации. Речь идет о проведении границ между группами, с которыми идентифицирует себя субъект и которым он себя противопоставляет. Политичность, таким образом, связана с конструированием Я (self) индивида или группы. Привлекая подход Мида, автор утверждает, что Я создается в процессе взаимодействия с другими и различением себя и других. Идентификация заключается в проведении границ между Я и Другим на основании различия мнений, идей, ценностей, в результате чего возникает новый политический субъект. Важно, что

---

* Степанцов Павел Михайлович – стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии.

© Степанцов П., 2008.

© Центр фундаментальной социологии, 2008.

идентификация – это постоянный процесс, в ходе которого субъект создается и пересоздается заново (made and remade).

Автор предлагает взять в качестве единицы анализа границу (boundary). «Я утверждаю, что политические Я (political selves) не возникают в вакууме. Наоборот, они возникают в точке столкновения с другими – на границах, где производятся идентификации, образуются и преобразуются сообщества и где метками особых видов ассоциаций служит различие» (p.224-225).

Западные города, куда устремляются мигранты и беженцы, являются особым политическим пространством – в них привносятся политические разграничения «развивающихся» стран, возникают новые и стираются старые границы. Всё это является результатом процесса идентификации, постоянно происходящей на уровне повседневных взаимодействий. Политическая жизнь перестаёт быть национально ограниченной, она приобретает межнациональный характер, политический процесс переносится в крупные города, такие как Лондон, которые становятся ареной политической борьбы. Наиболее заметные маркеры перемещающейся политической жизни – демонстрации, проводимые в крупных западных городах мигрантами, политические заявления диаспор и т. д.

Изменения политической сферы, связанные со структурой неформального политического пространства и возникновением политических субъектов нового типа, выносятся на улицы города, где альтернативное политическое пространство заявляет о себе наиболее ярко. Бартлетт называет эти процессы уличной политикой (street politics). Она описывает демонстрацию беженцев из Дарфура и Судана в ноябре 2003 года у здания ООН в Лондоне как пример такого рода процесса. Двести-триста человек демонстрантов устроили голодовку на улице, чтобы обратить внимание на кризис в Дарфуре. Из лондонского офиса ООН было послано письмо в Нью-Йорк Кофи Аннанау, демонстранты ждали ответа на улице. Они объясняли прохожим, кто они и для чего тут собрались, общались с телевидением. Демонстранты различали европейские и арабские каналы и по-разному выстраивали свою тактику общения с ними. Благодаря этому различию они и становились политическими (political). Через некоторое время стали прибывать видные политики из Судана. Те из них, кто был в оппозиции, собирали вокруг себя большие толпы людей, лояльные же правительству держались на расстоянии. «Демонстрации, – говорит Бартлетт, – обладают странной способностью делать невидимое видимым, не только путем непосредственного протеста, но и отмечая, кто с кем имеет дело, где находятся социальные и лингвистические метки» (p.232).

Процессы постоянно осуществляемой идентификации *непрерывно* меняют неформальный политический ландшафт современного города, и потому они представляют постоянный интерес для исследователя. Возникающие при этом границы в большинстве случаев остаются невидимыми не включенному в эти процессы человеку, но тем не менее, пересечение границ чревато последствиями. Бартлетт приводит пример, взятый из ее собственного опыта. В начале своего исследования ей удалось попасть в своеобразный центр, регулирующий борьбу повстанцев с официальными властями Судана. В то время центр находился под контролем одной из основных партий Судана – партии Умма (Umma Party). Бартлетт пообщалась ещё с двумя людьми – из Суданской Коммунистической партии (Sudanese Communist Party) и из Суданской Освободительной армии. Они находились в конфронтации с представителями партии Умма, поэтому вскоре Бартлетт попросили покинуть центр. По сути, она перешла невидимые для неё, но значимые для этих политических акторов границы, что и послужило причиной её дисквалификации. «Границы, – утверждает Бартлетт, – существенны в формировании новых типов политических существ не просто потому, что это точки, где встречаются друг с другом разные группы и индивиды, но также и в силу того, что они представляют собой локус конфликта и источник политической деятельности (political agency)» (p.225).

Политическое Я создается не только в процессе идентификации в ситуации взаимодействия лицом-к-лицу, происходящем здесь-и-сейчас. Виртуальное взаимодействие

позволяет расширять набор отношений во времени и пространстве. Заявления властей стран или лидеров партий через Интернет, связь через спутниковые телефоны или телевизионная пропаганда – всё это расширяет горизонт возможных социальных взаимодействий, идентификаций и различий.

Микрополитический климат больших городов, таких как Лондон, меняется очень быстро, говорит А. Бартлетт. Этому способствует комплексность городской среды: в ней присутствует огромное множество политических акторов, которые сталкиваются друг с другом, а также с государственными и негосударственными организациями и прочими институтами. В результате этих столкновений проводятся различия, благодаря которым все более четко определяются границы политического субъекта – его идентификация. Но набор взаимодействий не ограничивается соприсутствием здесь-и-сейчас. В ситуации акторов постоянно вторгаются информационные потоки через Интернет, электронную почту, спутниковые телефоны и телевидение.

В итоге, город предоставляет сложный конгломерат возможностей и средств, посредством которых политические акторы могут создавать своё Я в противопоставлении Другим. Политика становится частью повседневной жизни, заключает Бартлетт, что особенно заметно для мигрантов и беженцев, для которых участие в ней благодаря определению себя как политических субъектов зачастую является единственным каналом присоединения к (политической) жизни своей страны.